
И ложе было мне из лепестков,
и ласки дня, и ночи серенады...
Возлюбленной не человека – сада,
мне шум его звучал, как лепет слов.

Сад понимал – разлука предстоит,
и радостью, и сладостью горчащей
одаривал отчаянней, и чащей
чудес заманивал, и цвёл навзрыд.

Любовным зельем наливал плоды,
и, зная: не вернусь из этих странствий,
он шелестел: "Не уходи, останься,
здесь я с тобой – далёко ль до беды!".

Он, не расставшись, звал уже назад,
напрягшийся в отчаянном порыве
одушевлённости, и, непрерывен,
шёл спор, в котором победить нельзя.

Мой друг, мой сад... Другому никому
не убережь его напевов ритмы,
соцветий диких спаренные рифмы,
и золота, и цвета хохлому.

Эдем мой! Неподатлив, не покладист,
ты однолюб – кому себя отдашь,
судьбы пустынной сладостный оазис,
в ней первый и последний – не мираж?

И вечность распростёрла крылья над
клочком земли, покинутым хозяйкой.
Метался дождь, стволы чернели зябко,
бездомно жались листья у оград.

«Люблю»

Год не в счёт, день не прожит, не вышел –
промелькнёт, как проездом вокзал –
если слова «люблю» не услышал,
если слова «люблю» не сказал.

Если любите, слово простое
повторяйте, как жизни пароль:
говорите «люблю» – что вам стоит!
Не подачкой и не похвалой –
пусть дождём золотым оно льётся!

Им навеки согрет и омыт
тот, чьё имя для вас – жарче солнца,
чище ревности, выше обид.

В море слов, что и бьют, и калечат,
лгут, гнетут и впустую бренчат,
дивной нотой возвышенной речи
пусть два слога «Лю-Блю» прозвучат.

Громче грома и тише дыханья –
и без звука скажи – уловлю
это парное губ колыханье,
это – выдохом сердца – «Люблю».
Слаще! чаще! – пока длится счастье,
чтобы после, в закрытую дверь
не пытаться «Люблю!» докричаться

до того, кто не слышит теперь...
Я люблю. Я одна в этот вечер.
Трепеща, зажигаю свечу.
Опоздав, слово капает в вечность,
как слеза.
А кого-то учу...

Грустить о старости нет причины:
Доли моей – последняя долька.
И не состарилось сердце, только
Его скрывают лица морщины.
И греет солнце, и плещет ливень,
Сентябрь золотыми звенит листьями.
Я стала проще и терпеливей,
Я благодарнее Богу стала.
Но, спелым яблоком оборвавшись, –
Не урожай ли венец природе? –
Не часть я больше той жизни вашей,
Что в сторону от меня уходит.
Так, неуклонно и быстро, быстро –
Что бы мы вслед ему ни кричали –
Разлука ширится между пирсом
И кораблём, что едва отчалил.
Я не ропщу, что мне – оставаться:
Всему на свете своя година.
Давно не жду от жизни оваций,
Пришли седины, ушла гордыня.
Судьба моя, ты уже свершилась;
Они со мною – и кто измерит
Былые пропасти и вершины,
Мои победы, мои потери.
Не для меня теперь мёд и млеко –
Пусть упивается ими юность!
Мне б только быть ещё человеком
И знать с утра, для чего проснулась.
Мне б только знать, что любви остаток –
Сколько ни трать, а всё остаётся! –

Со дна души золотой осадок
Хоть в чью-то душу да перельётся...

Стихи... Какая чёрная работа!
Растерянно выводит карандаш
мелькнувшие полфразы... Но чего ты
из радостей той муке не отдашь!
Каких свиданий не промедлишь часа,
каких пирушек не продремлешь шум,
зубами в губы и ногтями в мясо,
дурманя никотином бедный ум...
О, как он напрягается двужильно!
В горгани строчки переросток сух,
а строки животворные чужие
предательски названивает слух.
Как выкроить, разжав тиски размера,
слог или два – столь скуден наш бюджет!
Нетрезвое, хромает чувство меры:
был стон фальшив, и приторен был жест...
Вновь перед белой алчущей бумагой
всей памяти, и вымыслов, и снов,
отчаяний и озарений – мало!
Как бьёт бесплодный замысла озноб!
Но – звук; он крепнет, станет наваждением –
в ночи, на людях среди бела дня...
Услышишь рост кристаллов, зов растений,
звериный толк, гул глины и огня.
Ты – провод, проводник любви и скорби,
всечеловечьей и своей, одной.
Как выразить? Какие всходы вскормит
нелепой жизни жирный пережной?
Как выразить? Как сбросить это бремя?
Неслышимые строки навсегда
Останутся – зияющие бельма
невосполнимой наготы стыда...
А ты, диктант диктующий, о, кто ты,
диктатор? Как ты мучаешь, флейтист,
какие неожиданные ноты

берёшь – и спрячешь, спрячешь нотный лист!
Своё ты, соловей, свиваешь соло,
но дар мой жалок, песня не про нас!
Льёшь золотом с небес напев и слово –
я в золоте нища, как царь Мидас...
А вдруг душа мала, чтобы вместить
такой урок? Доверенного свыше
через меня сказаться – не расслышу,
душ бессловесных мне не окрестить...
И есть ли кто себя же ненавистней,
когда на дни и месяцы потом
культя строфы над пропастью зависнет –
от тоники всего на полутон!
Рассвет. В изнеможенье, как на плаху,
на стол бессильно никнет голова.
Во сне поёт непойманная птаха
те самые, заветные слова...

Отчаиваюсь. Умираю
с ударом в спину ножевым.
Но – выползаю, выбираю
не мёртвым львом, но псом живым
быть снова. На снегу дворнягой,
нашедшей кость, глотаю горсть
слов лживых ласковых... Бумагу
прожгут насквозь боль, слёзы, злость.
Как зверь, травой лечусь и раны
зализываю, и опять
живу, и некого обнять,
а снова доверяться странно –
чтоб солнца луч,
чтоб места пядь,
чтоб лютой жизни петь осанну.